

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.11

Правильная ссылка на статью:

Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 243—262. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11>.

For citation:

Iukina I. I. (2019) Discussion on Abortions in the Russian Empire: Private Life and New Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243—262. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11>.

И. И. Юкина

ДИСКУССИЯ ОБ АБОРТАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ДИСКУССИЯ ОБ АБОРТАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

DISCUSSION ON ABORTIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE: PRIVATE LIFE AND NEW IDENTITY

ЮКИНА Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: irinayukina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4845-8742>

Irina I. IUKINA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor

E-MAIL: irinayukina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4845-8742>

¹ National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена дискуссии об абортах, развернувшейся в России в начале XX века. В ней представлены мнения трех экспертных сообществ — врачебного, юридического и феминистского, рассматривавших тенденцию роста числа аборт как

Abstract. The article devoted to the discussion on abortion that ensued in Russia in the early twentieth century. It presents the opinions of three expert groups — medical, legal and feminist communities, who viewed the growing tendency in the number of abortions as

острую социальную проблему и искавших пути ее решения. Дискуссия зафиксировала ситуацию в России того времени, которая характеризовалась расширением социальных ролей женщин, формированием новой женской идентичности, дальнейшим разделением частной и публичной сфер, изменением отношения представителей доминирующих групп населения к физической любви, детям, личным (гражданским) правам. Автор приходит к выводу, что распространение модернистских взглядов на семью, роль женщины среди представителей образованных групп положило начало формированию новой репродуктивной культуры и способствовало прохождению Россией демографической модернизации.

Ключевые слова: демографическая модернизация, экспертные группы, публичная/приватная сферы, городские либеральные ценности, феминистская мысль, новая репродуктивная культура

an acute social problem and looked for ways to solve it. The situation in Russia of that time described in discussion by the expansion of the social roles of women, the formation of a new female identity, the further separation of the private and public spheres, a change in the attitude of population dominant groups representatives to a physical love, children, personal (civil) rights. The author concludes that the spread of modernist views on the family, the role of women among representatives of educated groups, initiated the formation of a new reproductive culture and contributed to Russia's demographic modernization.

Keywords: demographic modernization, expert groups, public/private spheres, urban liberal values, feminist idea, new reproductive culture

Вступление

Цель статьи — анализ дискуссии об абортах, которая развернулась, прежде всего, на страницах профессиональной печати в России на рубеже XIX—XX веков. Эта дискуссия зафиксировала новые практики жизни представителей разных сословий и классов в сфере интимных отношений, обнаружила изменение отношения россиян к многочадию, абортам, контрацепции, правам женщин. Материалы XII Пироговского съезда о «преступных выкидышах» не раз становились предметом анализа историков, демографов, социологов. Данная статья написана на более широком корпусе источников. В частности, на материалах III и XI Пироговских съездов, дискуссий в региональных отделениях Пироговского общества, на материалах IV съезда Общества российских акушеров и гинекологов и X Общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов, а также на основе статей в профессиональных и толстых журналах, таких как «Терапевтическое обозрение», «Врач», «Русский врач», «Журнал акушерства и женских болезней», «Право», «Русское богатство», «Вестник Европы», феминистского журнала «Женский вестник», брошюрах врачей, юристов и социологов.

Центральная идея статьи состоит в том, что обсуждаемая дискуссия зафиксировала начало процесса демографической модернизации в России. При многих общих с другими странами тенденциях она позволяет выявить и описать российские особенности.

В качестве одной из экспертных групп, наряду с врачами и юристами, в статье представлены равноправки — русские феминистки. Они анализировали проблему роста числа абортот со своих позиций, отстаивали право женщины на собственный выбор, продвигали идеал свободной равноправной женщины, формируя новые ценности и новые подходы к репродуктивным правам женщин и, одновременно с тем, к новой репродуктивной культуре.

Автор считает, что вклад феминистской мысли и активизм русского феминизма недооценены в исследованиях российской демографической модернизации. В известной степени статья написана с позиций истории женщин, истории повседневности и истории ментальностей, которые ставят предметом своего изучения частные практики повседневной жизни людей и осмысление ими своих проблем. Именно расширение социальных ролей женщин, трансформации их идентичности и практик прокреативного поведения актуализировало проблему абортот в России, стало причиной широкой дискуссии. Для женщин обсуждение проблем ограничения деторождения и предохранения от беременности было табуировано культурными кодами поведения, лишавшими их права голоса в обсуждении таких «неприличных» вопросов. Поэтому неудивительно, что именно представительницы феминистского сообщества, осмыслявшие социальные проблемы женщин, выступили той экспертной группой, которая заговорила от лица всех женщин.

«Трагедия сменяющихся мировоззрений»

Рубеж XIX—XX столетий был временем великих трансформаций для России. На фоне и в контексте изменений в политической, культурной, экономической сферах, начавшихся еще в годы Великих реформ Александра II, шли процессы смены ценностной парадигмы подданных Российской империи. Менялось отношение людей к своей жизни в целом, включая интимную сферу, любовь, семью, детей. «На щит» поднимались ценности автономии личности от семьи и рода, переосмыслялись социальные роли женщин, отношения мужчин и женщин. Шел процесс становления нового типа личности — личности модернизирующегося общества.

Демографическая модернизация осуществлялась в русле общей модернизации страны и вылилась к концу XIX века в публичную постановку вопроса о «свободном материнстве». Под этим эвфемизмом в то время понималось право женщины регулировать частоту и количество беременностей и родов. Детская смертность, особенно в образованных классах, падала [Демографическая модернизация..., 2006], а многодетность на пределе физиологических возможностей женщины представлялась слишком расточительной с экономической и морально-психологической позиций, а также с точки зрения здоровья женщины. Проблема ограничения рождаемости как актуальная и насущная встала прежде всего перед женщинами.

Схожие процессы шли в странах Европы и США. Демографическая модернизация России была неотъемлемой частью мировой демографической модернизации и глобального «демографического перехода», то есть перехода от «извечного

равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [там же: 10].

При всех общих тенденциях, в России, разумеется, были свои особенности. Одной из них был высокий уровень рождаемости, сохранявшийся даже в начале XX века. Несмотря на наличие всех присущих демографической модернизации условий — развитие экономики, урбанизация, повышение грамотности, рост мобильности населения, постепенный отход от патриархального уклада жизни и т. д., — среднее число рождений на одну женщину в России в среднем составляло 7,5 рождений против 5 в европейских странах [там же: 29].

Причина, на наш взгляд, заключалась в медленном усвоении ценностей нового уклада жизни в стране с преимущественно крестьянским населением. Отход от вековых представлений о женской и мужской роли в семье и обществе, об отношениях супругов друг к другу и детям, о материнстве и отцовстве происходил медленно. Поэтому внутрисемейный контроль над рождаемостью, поздняя брачность, «технически» ограждающая женщин от ранних и многочисленных родов, не были распространены. Изменение отношения к многочадию, знания о способах предотвращения беременности и соответствующие практики демонстрировали женщины элитарных, «доминирующих» социальных групп: аристократки, буржуазки, интеллигентки.

В начале XX века наиболее распространенным типом семьи оставалась расширенная семья, хотя нуклеаризация происходила и среди сельского населения [Миронов, 1999: 169]. Главный принцип патриархальных семейных отношений — «человек для семьи» — уже не устраивал молодое поколение, особенно молодых женщин. Традиционная семья, препятствующая интеграции молодежи обоих полов в пореформенную жизнь, рассматривалась ими как пережиток крепостничества и испытывала «полную революцию». Главным актором этих изменений стала женщина: «Вынужденная силой необходимости, не модой — как казалось тогда многим, — она [женщина — И.Ю.] заявила свою готовность к приобретению одинаковых с мужчиной прав на знание и труд» [Некрасова, 1882: 808]. Педагог и писательница Е. Н. Водовозова (1844—1923) в своих воспоминаниях о пореформенном времени писала: «Среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерницами, переписчицами, стенографистками. Отношение общества к трудящимся женщинам тоже быстро менялось» [Водовозова, 1987: 174—175]. Вслед за изменением жизненных целей женщин доминирующих групп менялось и их сексуальное, матримониальное, прокреативное поведение. Пересмотр принципа «семейной необходимости» и предпочтение индивидуалистского сценария собственной жизни были культурным вызовом, и потому встречали серьезное сопротивление в обществе. В публичном дискурсе новые модели поведения, жизненные стратегии «новых женщин» рассматривались поначалу, по меньшей мере, как вопрос о добре и зле. Современница [Андреева, 1901] назвала эту ситуацию «трагедией сменяющихся мировоззрений».

«Женщины наших средних классов», по выражению известного философа и публициста П. Л. Лаврова, переосмыслили ценности супружества и материнства. Появился термин «новое материнство», который фиксировал осознанное рож-

дение женщиной ребенка, внимание к его личности, доверительные отношения. Так формировалась совершенно новая модель взаимоотношений между матерью и ребенком, принципиально противоположная многодетности, исключавшей возможность душевной близости с детьми.

Помимо проблемы ограничения материнства, перед «новыми женщинами» практически сразу встала проблема сочетания его с оплачиваемой занятостью. Как и в каких терминах эту тему обсуждали, каким способом предполагалось ограничивать количество беременностей и родов, чтобы достичь «свободного материнства» — неизвестно. В силу того, что тема была из числа «непроговариваемых», мы не находим ее в стенограммах собраний женских организаций. Понятия «искусственный выкидыш», «аборт», «плодоизгнание» были табуированы в дискурсе равноправия; зато были введены термины «свободное материнство», «новое материнство», «любовь», «женская психология», «двойная половая мораль», «половое воздержание». Последнее было обращено к мужчинам (доктор М. И. Покровская), хотя стратегия отказа от личной жизни, брака и деторождения имела место в среде «новых женщин» — преимущественно радикалок. Можно сказать, что революционный аскетизм стал одной из форм сексуального и прокреативного женского поведения. Однако это был выбор немногих. Создание «детских очагов» (пробраз современного детского сада) для детей «интеллигентных тружениц» при женских организациях также свидетельствовало о поиске путей решения проблемы.

В начале XX века феминистская мысль прочно увязала причины «неравноправности» женщин с их способностью к деторождению и социальными последствиями материнства. Материнство было прямо названо главной причиной зависимо и вторичного положения женщины в обществе. Жизнь женщины, рожавшей восемь-десять раз, сводилась к беременностям, родам, уходу за детьми. Женщина была исключена из культурной и общественной жизни. Именно с позиции социального исключения женщин равноправки стали рассматривать проблему аборт и контрацепции. Право на «свободное материнство» оценивалось ими как право женщины на собственную судьбу. Писательница и феминистка О. А. Шапир (1850—1916) в докладе на Первом Всероссийском женском съезде (1908) определила причины подавления женской личности: «...любовь, свободная всюду и во все времена, ей вменялась в преступление. Мать, не имеющая права свободного материнства и обязанная материнством принудительным в нерасторжимом браке, который заключается помимо ее воли и выбора. Существо, в котором намеренно культивируются пороки и привлекательные слабости, но с которого, с одного только требуются добродетели» [Шапир, 1909: 897]. Проблема репродуктивного выбора женщины, казалось бы, конкретная и частная, стала в начале XX века квинтэссенцией проблемы равноправия.

Таким образом, феминистское сообщество выступило одной из экспертных групп, осмыслявших проблему ограничения рождаемости.

«Зиждительный дух свободы»: постановка проблемы абортов в профессиональных сообществах

Необходимо сказать несколько слов об отношении профессиональных групп русской интеллигенции к власти и пониманию ими их собственной роли в обще-

стве. Конечно, Российская империя на рубеже веков не была правовым государством в современном понимании, но она шла по пути становления гражданских прав, свобод, развития гражданской идентичности. Это предполагало сокращение присутствия государства в частной жизни подданных и участие самих подданных в решении тех социальных проблем, которые они считали важными, через самоорганизацию, коллективные действия, солидарность. Недоверие к власти, осознание себя авангардной группой модернизирующегося общества в силу обладания научными знаниями и близости к народу определяло негативное отношение русской интеллигенции к власти и административным методам управления. Многие считали общественное служение своим гражданским долгом. Защита прав личности стала важнейшей темой.

Врачи по роду своей профессиональной деятельности первыми столкнулись с увеличением числа «искусственных выкидышей», первыми оценили проблему как социальную и ввели ее в публичный дискурс. Явление это набирало темп во всех уголках империи, среди женщин всех классов и сословий. Проблема, безусловно, была для врачей профессиональной, так как они оказывали медицинскую помощь женщинам после неудачных аборт и сами производили их в «исключительных» случаях — например, в случае угрозы жизни женщины. По российскому законодательству аборт был уголовно наказуем для врачей без всяких исключений [Либерман, 1914: 149], а статья 100 освобождала от ответственности в «крайних случаях» только женщину. Поэтому врачебному сообществу необходимо было сформулировать отношение к аборту и определить условия, при которых врач мог нарушить закон.

С другой стороны, врачи истари играли особую роль в осмыслении функций женского тела и женщины как таковой. Физиологией определялись моральные качества женщины, ее поведение и умственные способности. По представлениям, берущим начало от идей Ж.-Ж. Руссо, женщина не могла быть независимой от своих физиологических функций, в то время как считалось, что мужчина мог вырваться из плена своего тела и пола. Таким образом, женское тело было исходной точкой в осмыслении положения женщины в обществе, и общественное мнение признавало необходимость лечения, врачебного наблюдения и контроля над женским телом, а заодно и над женщиной.

Врачи оказались в сложной ситуации. Они одновременно находились в статусе экспертов, в условиях требований врачебного долга, гражданского долга, личных религиозных воззрений и представлений о социальных ролях женщин, близости к «униженным и оскорбленным», принятия на себя роли субъектов изменений и т. д. Со всем этим было сложно разобраться, и уж тем более выработать единую позицию. Поэтому дискуссии и в региональных отделениях Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова¹, и на Всероссийских Пироговских съездах² носили бурный, эмоциональный, можно сказать, страстный характер.

Пироговское общество было свободной дискуссионной площадкой, которую сами пироговцы ценили за «зиждательный дух свободы» (И. В. Кржижановский).

¹ Например, в Одесском, Омском, Уральском медицинских обществах.

² Проблема абортов обсуждалась на III (1889), XI (1911), XII (1913) Пироговских съездах, а также на IV съезде Общества российских акушеров и гинекологов (1911).

Цель своей организации они видели в развитии «свободной науки, установлении основ охраны народного здоровья, столь неразрывно связанного с общими политическими, экономическими и социальными условиями жизни государства» [Кржижановский, 1913: 2].

По мнению американской исследовательницы Лоры Энгельштейн, русские врачи оказались либеральнее своих западных коллег. Например, в Англии и США законы, ужесточившие наказание за аборт, были приняты в значительной мере под давлением медицинского сообщества, которое стремилось упрочить свою профессиональную власть за счет контроля над репродуктивными функциями женщин. В России же, наоборот, врачи, желая повысить свой социальный статус, солидаризировались с требованиями женщин [Энгельштейн, 1996: 340—341]. И. С. Кон объяснял позицию русских врачей их большей демократичностью и близостью к народу, нежели приверженностью корпоративным интересам [Кон, 2019: 95].

Первое публичное обсуждение проблемы «искусственных выкидышей» состоялось на III Пироговском съезде (1889) в секции акушерства и женских болезней. Насколько эта тема была табуирована даже для профессионального обсуждения, говорит тот факт, что председатель секции профессор Г. Е. Рейн счел необходимым выразить благодарность докладчикам, решившимся затронуть «столь щекотливый вопрос». Выступили доктор П. Н. Зейдлер [Зейдлер, 1889: 7] (Николаевский военный госпиталь, СПб.) и женщина-врач Н. В. Тальберг (Киев) [Тальберг, 1889: 7]. П. Н. Зейдлер отметил нарастающую тенденцию к ограничению деторождения в обществе, признал за врачом право и обязанность делать аборт по медицинским показаниям и призвал искать средства к «безвредному и верному предотвращению беременности». Н. В. Тальберг же заняла более жесткую позицию и говорила о необходимости бороться с «этим злом» всем врачебным сословием при участии церкви, законодательства и администрации. Тем не менее она обратила внимание присутствующих и на социальные проблемы женщин, толкающие их на аборт, и предложила изменить ст. 1462 «Уложения о наказаниях» в сторону снижения наказания для женщин, а также расширить сеть приютов и воспитательных домов для детей. Осудила она и врачей, «из корысти» производящих аборт.

Участники секции согласились с тем, что аборт — это зло, но при этом есть основания для оправдания врачей и женщин. Эта двойственность сопровождала дискуссию об абортах на всем ее протяжении, что вполне объяснимо: изменить представления о «естественном предназначении» женщины было непросто, как и распространить на нее права свободной личности.

После съезда 1889 г. тема выплеснулась на страницы специализированных медицинских изданий и прочно вошла в профессиональный дискурс врачебного сообщества. На XI Пироговском съезде в 1911 г. было принято решение создать комиссию по «искусственным выкидышам» в силу того, что аборт принял «характер эпидемии, поразившей все общественные слои». В комиссию вошли врачи, юристы и почему-то зоологи. Перед ними была поставлена задача детально проработать вопрос — как с научной, так и с общественной точек зрения, — и предоставить доклад XII съезду. На IV съезде Общества российских акушеров и гинекологов, прошедшем в том же 1911 г., вопрос об искусственном выкидыше был поставлен в программе первым номером.

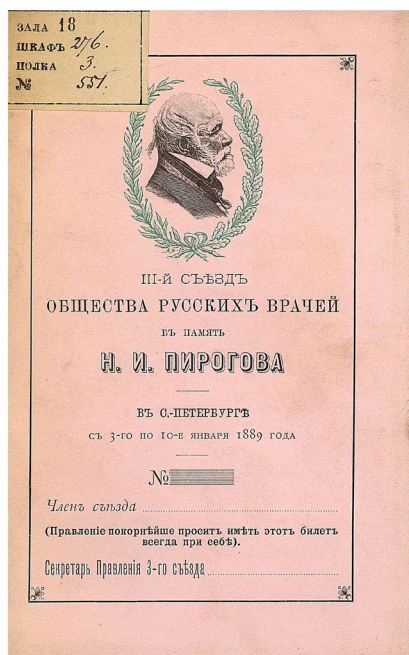

Рисунок 1. Билет участника III съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова

Если врачи фиксировали неуклонный рост «преступных выкидышей», несмотря на их криминализацию и осуждение церковью, то юристы со своей стороны фиксировали снисходительное к ним отношение со стороны населения и присяжных. До суда доходило менее 1 % случаев, из которых не менее 75 % получали оправдательный вердикт присяжных (цит. по: [Либерман, 1914: 152]). На рубеже веков юридическое сообщество активно обсуждало реформу законодательства, считая ее давно назревшей. Адвокаты, криминологи, присяжные поверенные и правоведы пытались внести практический вклад, сделать законодательство в большей степени отвечающим реалиям жизни, в том числе и в вопросе уголовного преследования за «искусственный выкидыш».

Противники декриминализации аборт

Декриминализации абортов сопротивлялись врачи, юристы и ряд общественных деятелей. Вопрос деторождения рассматривался ими как вопрос государственный, так как снижение народонаселения вело, по их мнению, к ослаблению военной мощи государства. В целом аргументация сторонников криминализации абортов строилась на признании государственных интересов выше интересов отдельной личности и праве государства вторгаться в сферу частной жизни, контролировать исполнение подданными «незыблемых норм» при помощи репрессивного законодательства.

Изменившиеся социально-экономические условия жизни не принимались ими как причина роста числа абортов. Основным источником «зла» определялась жен-

щина, которая в силу своей «распущенности», «женского эгоизма», «эгоистичного чувства самосохранения», «боязни родовых болей», «подавленного инстинкта материнства», «нежелания надевать на себя ярмо деторождения» и т. д. совершала это преступление. Профессор права С. В. Познышев утверждал, что декриминализация аборта неизбежно ведет «к еще большей распущенности», утрате христианских ценностей, распаду семьи (цит. по: [Грин, 1913: 70]).

Плод рассматривался противниками декриминализации аборт как живое существо и потому имел право на охрану законом: «Зародыш — не часть тела матери, а отдельно живущий организм в данной стадии своего развития паразитирующий в теле матери» (проф. права М. П. Чубинский) (цит. по: [Мандельштам, 1914: 137]). Отсюда следовал вывод, что аборт — убийство, и никаких оправданий врачей существовать не должно, ибо «капитулировать перед растущим злом нельзя» [там же].

Вопрос об интересах женщины как личности, сложностях ее бытования, о жизни и судьбе будущего ребенка не ставился. Женское поведение описывалось негативно, вплоть до мизогинистских высказываний. Как неоднозначно выразился Л. Н. Толстой, «Женщина, тяготящаяся и не желающая детей, не жена, а стерва» [Гольденвейзер, 1922: 41].

Эта позиция обосновывалась распространенными представлениями о физиологической и интеллектуальной недостаточности женщин. В качестве теоретической базы использовалась теория «наследственности и изменчивости», согласно которой женщины более подвергнуты «наследственности», а потому менее прогрессивны и не способны тягаться с мужчинами в физической и духовной силе. В то время как мужчины более подвержены воздействию закона «изменчивости» — в этом залог их социальной активности и интеллектуальных достижений. Отсюда следовал вывод: женщина не способна взять на себя обязанности, ответственность и права, в том числе и в вопросе деторождения.

Использование противозачаточных средств рассматривалось как «неестественное», ведущее к болезням аморальное новшество. Странников контрацепции клеймили «неомальтузианцами». «Половые отношения» оправдывались только деторождением, отделение сексуального поведения от прокреативного представлялось аморальным и недопустимым: «Средства, препятствующие зачатию, так называемые презервативы, приобретают все более широкое распространение... лучше уж совсем отказаться от полового сношения, чем умножать горе болезнями» [Боряковский, 1893: 886].

В качестве мер борьбы с искусственными выкидышами «государственники» предлагали усиление репрессивных мер и пропаганду идеи о безнравственности и опасности аборта и контрацепции.

Сторонники декриминализации аборт

По другую сторону баррикад стояли представители врачебного и юридического сообществ, относившие проблему аборт к сфере частной жизни. В ее решении главную роль они отводили гражданскому обществу, в задачи которого включалось регулирование отношений личности и государства на основе своего влияния на законодателя, широкой просветительской и профилактической деятельности. Медики и юристы видели себя тем экспертным сообществом, которое, используя

профессиональные знания, могло изменить ситуацию к лучшему. Аргументация сторонников декриминализации абортостроилась на защите интересов личности, но не государства. Ограничение «свободы личности» недопустимо, — доказывал юрист И. В. Грин, — «ибо из того, что женщина может родить, не следует, что она должна родить» [Грин, 1914: 48]. «Как сын, как муж, как гражданин, как мужчина я протестую против того, чтобы... всякую женщину, такую же свободную и равноправную гражданку, как и я, превращали в родильный аппарат» [там же].

Главными причинами «эпидемии искусственных выкидышей» определялись общественные трансформации, изменившие положение женщины в обществе и заставившие ее адаптироваться к новой реальности: «Основными причинами абортостроения являются, во-первых, постоянное раскрепощение женщины... рост торгово-промышленной жизни... условия борьбы за существование» [Богров, 1914: 164]; «Искусственный выкидыш представляет собою равнодействующую, на которую толкают женщину с одной стороны сила полового влечения, с другой — сила социальных условий, требующих ограничения рождаемости» (доктор Я.Е. Выготский) [Двенадцатый..., 1913: 88]; «Громадное распространение искусственного выкидыша <...> есть естественный, хотя и печальный продукт всего современного уклада нашей жизни, всей современной культуры, всех современных социальных условий» [Гиммельфарб, 1914: 145].

Вопрос о том, является ли плод живым существом, в этих рядах рассматривался однозначно: нет, не является. Он — часть организма/тела матери, и потому женщина имеет «неотъемлемое, суверенное право» распоряжаться своим телом как ей угодно: «плод находится в утробе матери, не может принадлежать никому другому, как только ей» [Грин, 1914: 38]. Отсюда следовал вывод: аборт — не убийство, а медицинская операция, совершаемая по определенным медицинским и социальным показаниям. Об этом на XII Пироговском съезде эмоционально говорил И. В. Грин: «с такими словами как «убийство человека» следует обращаться осторожнее, и отождествление его с абортами — вывод по меньшей мере поспешный... Мы можем смело сказать нашим противникам: господа, вы увлекаетесь!» [Грин, 1914: 31].

Сторонники декриминализации абортостроения мыслили женщину действующим субъектом, имеющим право на частный выбор в вопросе деторождения в соответствии со своими представлениями и «самоконтролем». Теория «наследственности и изменчивости» как научное обоснование женской недееспособности была раскрытирована. Профессор С. Д. Михнов обвинил ее последователей «в предвзятости намерений и наивной простоте взглядов» [Михнов, 1904].

Определяя «искусственный выкидыш» как неизбежное социальное зло и сложную социальную проблему, сторонники декриминализации предлагали выработать общие показания к производству абортостроения. Аборт по медицинским показаниям поддерживало подавляющее большинство врачей, но вопрос о социальных показаниях к абортостроению оказался значительно сложнее, так как давал простор для трактовок и вызвал бурную и страстную дискуссию. Сторонники социальных показаний к абортостроению строили свою аргументацию в развитие «народнической традиции», то есть апеллировали к несовершенству социально-экономического строя, жесткого отношения общества к «безбрачным матерям», незащищенности и бедности девушек низших классов, бесправия незаконнорожденных детей. Большинство

врачей солидаризировались с этой позицией. Если врач не может отговорить женщину, то «производство аборта — не только его *нравственное право*, но и *нравственный долг*» [Богров, 1914: 165].

Другие же обращали внимание на то, что аборт распространен среди женщин высших и средник классов. Доктор В. Л. Якобсон (Санкт-Петербург) привел статистику, собранную им в Императорском клиническом повивально-гинекологическом институте за восемь лет. Согласно его данным, три четверти соискательниц аборта были замужние женщины, из которых домохозяйки — 60 %, прислуга — 15 %, интеллигентные труженицы — 13 %, ремесленницы — 8 %, черноработницы — 4 % [Якобсон, 1912: 10]. Доктор И. Г. Мандельштам вторил ему: «Не нужда — причина выкидышей. Категория бедных и обесчещенных девушек ушла на далекий план... И светская дама... и проститутка, и горничная, и фабричная работница... совершают одни преступления» [Мандельштам, 1914: 136]. Врач М. И. Покровская на страницах «Женского вестника» доказывала, что все относительно. «Почему светская дама не может сделать аборт, если считает, что обстоятельства ее жизни безвыходные, что рождение ребенка для нее хуже смерти?» — задавалась она вопросом [Покровская, 1914: 103].

Социальные показания к аборту напрямую вели к праву женщины распоряжаться своим телом. Это была инновационная и радикальная мысль даже для такого демократического сообщества, как пироговцы.

В качестве мер предотвращения и сокращения «искусственных выкидышей» сторонники декриминализации предлагали развитие контрацепции, просвещение населения в вопросах гигиены сексуальной жизни, противозачаточных средств, поддержку материнства и детства. Осуждая аборт с морально-этических позиций, они твердо стояли на позиции, что «правила морали не вбиваются в человеческие головы статьями уголовного уложения о наказаниях» [Гиммельфарб, 1914: 145].

Позиция женщин-врачей

Женщины-врачи, с одной стороны, были членами профессионального сообщества, с другой — женщинами, то есть они одновременно являлись и субъектом, и объектом дискуссии. Быть «говорящим субъектом» в производстве дискурса о сексуальности, физической любви, абортах для женщин-врачей было сложно в силу культурных запретов, но обретение профессионального голоса и трибуны произошло довольно быстро.

Большинство из них выступало за право женщины на выбор как рационального, ответственного субъекта. Но не все. Наталья Васильевна Тальберг на III съезде высказалась в поддержку криминализации аборта. Надежда Владимировна Земляничина-Камбарова из Пермской губернии также считала, что «как бы ни были социальные условия тяжелы, — право узаконить выкидыш они не дают» [Двенадцатый..., 1913: 213].

Ольга Петровна Пирожкова (Московская городская больница) по результатам своего статистического исследования делала следующий вывод: «Выход может быть только один: предоставить женщине полную свободу распоряжаться самою собою», «врачи обязаны помочь женщине, т. е. научить ее, как уберечь себя от беременности, по тем или иным причинам ей нежелательной. Только тогда... умень-

шится число абортот и сохранился масса молодых женских жизней» [Пирожкова, 1911: 107].

Любовь Михайловна Горовиц (Санкт-Петербург) продолжила тему опасности немедицинского аборта. Если богатые женщины имеют возможность делать аборт в профессиональных условиях «малой хирургии», то бедные рискуют жизнью в руках деревенских повитух. Она категорически возражала «государственникам»: «встречались юристы, которые даже высказывались, что «зачавшая женщина заключает с государством договор, в силу которого обязывается, даже рискуя своей жизнью, родить государству нового гражданина». Несостоятельность подобного утверждения ясна всем и каждому, ибо государство ничем не помогает матери... отнимает их (сыновей — И.Ю.) <...> для военной службы». «И самое материнское, и человеческое достоинство женщины <...> только выиграют от того, что женщина не будет принуждаться к деторождению под угрозой уголовного преследования» [Двенадцатый..., 1913: 212—213].

Ксения Николаевна Бронникова (ст. штат. врач Императорского Санкт-Петербургского родильного дома) оценила законодательство об абортах как нарушение прав женщин: «женщина как свободная личность и только она сама имеет право решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет», «Пироговский съезд должен ясно и определенно сказать, что он считает женщину свободной личностью, имеющей все права таковой на свою судьбу, и в частности в вопросе о детях, и добиваться изменения законодательства в смысле полной ненаказуемости аборта» [Двенадцатый..., 1913: 212]. Надежда Федоровна Беспалова-Летова (штат. врач Ростовской городской больницы) и вовсе заявила, что только уравнение прав женщин и мужчин, а также уравнение их заработной платы решит проблему абортов [там же: 213].

Врач Мария Ивановна Покровская поддержала коллег на страницах «Женского вестника»: «Наказуемость (аборта — И.Ю.) защищается с той точки зрения, что зародыш — это человек. Встал вопрос — надо ли предпочитать интересы будущего человека интересам уже существующей матери?» [Покровская, 1914: 103]; «Наши законодатели думают об охране зародыша, об охране жизни в утробе матери, но, когда ребенок родился, они им больше не интересуются. Они не думают о принятии широких общественных мер и о проведении социальных реформ, необходимых для охраны уже существующих детей» [там же: 104]; «Другой аргумент, что аборт лишает людей представлений о святости человеческой жизни, как этической ценности. Это сомнительно, т. к. закон во многих случаях сам проявляет полнейшее пренебрежение к святости человеческой жизни и даже содействует разрушению этой идеи. Он допускает войну, смертную казнь, проституцию» [там же: 103].

XII Пироговский съезд (1913 г.)

XII Пироговский съезд в известной степени подвел итог дебатам. На заседании 2 июня 1913 г., посвященном исключительно «искусственному выкидышу», была выработана резолюция, которую затем с некоторыми оговорками принял съезд. С докладами выступили: доктор Л. Г. Личкус (Санкт-Петербург), юрист И. В. Грин (Москва), доктор Я. Е. Выготский (Вильно), профессор С. Д. Михнов (Юрьев), доктор П. Н. Чунихин (Харьков) и др. В прениях активно выступали женщины-врачи.

Также был заслушан доклад Комиссии по борьбе с искусственными выкидышами Омского медицинского общества, выводы которого легли в основу резолюции секции.

Признав аморальность аборта, участники дискуссии пришли к выводу, что женщина имеет право на «законный выкидыш», который должен производиться только в клиниках, что снизит смертность от криминальных абортотворцев. По факту это означало признание права женщин на репродуктивный выбор.

Контрацепция была названа единственной реальной альтернативой аборту. Доктор Я. Е. Выготский призвал регулировать рождаемость «без убийств»: «Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно стремиться к усовершенствованию и распространению этих мер» [Двенадцатый..., 1913: 88].

Резолюция секции по искусственному выкидышу исходила из следующих постулатов:

- причиной распространения «зла» являются изменившиеся условия жизни;
- женщина как дееспособный субъект имеет право выбора;
- врач имеет право делать аборт не только по медицинским показаниям, но и по настоянию женщины;
- аборт — это не убийство, так как плод — часть тела женщины;
- закон должен быть пересмотрен в сторону ненаказуемости женщины и врача;
- запрет на аборт способствует увеличению детоубийств, непрофессиональных абортотворцев и увеличению смертности женщин;
- решение проблемы «искусственного выкидыша» лежит в повышении экономического благосостояния женщин, культурного уровня всего населения, широкого распространения информации о контрацепции.

Что до резолюции всего съезда, то она была более политически корректной. Но и она отстаивала интересы женщин, корпоративную автономию врачей и делегировала государству ответственность за поддержание материнства и детства.

Резолюция XII Пироговского съезда

Искусственный выкидыш, не вызванный специальными медицинскими показаниями, есть социальное зло. Борьба с этим злом должна лежать в области государственных и социальных реформ, а не в области карательных мероприятий.

Ныне существующее законодательство об абортах как не соответствующее огромной социальной важности этого явления должно быть пересмотрено.

Вопрос об аборте и отношении к нему врачей должен быть передан на места для обсуждения в медицинских обществах и общественно-врачебных организациях. Материалы должны быть собраны в руках имеющейся при Правлении Пироговского общества Комиссии по этому вопросу с тем, что она предоставит доклад на следующий XIII съезд Пироговского общества [Двенадцатый..., 1913: 31].

Таким образом, главным достижением съезда можно назвать прорыв к институциональной и культурной регламентации приватности, определение интимной

жизни россиян как сферы их личной ответственности, самоконтроля и частного права. Это формировало новую репродуктивную культуру и способствовало прохождению Россией демографической модернизации.

X Общее собрание Русской группы Международного союза криминалистов (1914)

Водораздел в юридическом сообществе проходил по линии неразделенности нравственной и правовой оценки аборта. «Искусственный выкидыш», наряду с такими семейными проблемами, как неуважение к родителям и адюльтер, трактовался как морально-нравственная норма — «преступление против нравственности» — и при этом подлежал уголовному наказанию. Морализаторский характер формулировок нормативно-правовых актов был особенностью российского права того времени. Так, плодоизгнание определялось и как «порок», и как уголовное преступление. «Порок» и «преступление» не одно и то же, а право требует иных, четких и притом светских определений, — утверждали юристы — сторонники декриминализации аборт. Определение «искусственного выкидыша» как «порока», с их точки зрения, не могло быть термином права.

Другой острой темой дискуссии в юридической среде был вопрос о «жизненности» и «жизнеспособности» плода. Отсюда вставал вопрос, является ли жизнь плода «правоохранительным благом»? Большинство участников собрания стояли на позиции, что нужно ясно понимать, что именно охраняет закон и насколько адекватны избранные для этого средства. Именно поэтому, утверждали они, действующее законодательство неэффективно.

«Уложение о наказаниях» (1845, 1885) рассматривало изгнание плода как посягательство на жизнь человека: ст. 1461—1463, раздел «О смертоубийствах». Объектом считался человеческий плод, зачатый, но еще не рожденный; при этом степень развития эмбриона не имела значения. Преследованию подвергалось всякое изгнание плода, никаких «законных» поводов не существовало. Единственной «лазейкой», освобождающей от наказания женщину в «крайних случаях» (угроза жизни), была ст. 100 [Либерман, 1914]. Законодательство наказывало производство аборт каторгой, сроки которой измерялись по последствиям аборт для матери и условиям изгнания плода — с согласия матери или без. Если «оператор» делал аборт без согласия женщины (ст. 1461) — каторжные работы от четырех до шести лет с лишением всех прав состояния. Если нанесен урон здоровью женщины — каторга от шести до восьми лет. Если аборт закончился смертью — восемь-девять лет каторги. Если аборт производился с согласия женщины, то «оператор» получал пять-шесть лет тюремного заключения с лишением всех прав состояния, а женщина была наказуема одной степенью ниже — четыре-пять лет заключения (ст. 1462). Ст. 1463 повышала уровень ответственности и наказания, если аборт производил врач или акушер. Закон, таким образом, имел антипрофессиональную направленность и ограничивал права специалистов. Считалось, что врачи нарушают профессиональную этику и злоупотребляют «общественным доверием». Новое Уложение 1903 г. (не введенное), принятое под влиянием профессора Н. С. Таганцева, сохраняло принципы наказуемости, немного снизив сроки наказания.

Сторонники декриминализации в дебатах доказывали, что плод — не человек, не субъект права, и охраны его существования наравне с человеком быть не может. Это не «смертоубийство». Плод — часть организма матери. Причинение ущерба своему телу и нерождение ребенка можно осудить с моральной точки зрения, но не с правовой. Ни малейшего сомнения, утверждала эта сторона, что женщина должна быть ненаказуема.

Профессор М. Н. Гернет (социолог) обращал внимание на рост детоубийств. По данным его исследования, два преступления — «аборт» и «детоубийство» — находились в обратной пропорции: чем менее доступен аборт, тем больше совершается убийств новорожденных. Едва ли стоит говорить, что последнее действительно является смертоубийством [Гернет, 1914: 824—826]. И. В. Грин доказывал, что аборт может служить «предохранительным клапаном от детоубийства» [Грин, 1913: 70]. Он же оценил проблему аборта как конфликт общества и государства, так как речь по существу шла о расширении сферы частной жизни, уменьшении вмешательства государства в дела семьи, защите прав и свобод личности.

На X собрании преобладали сторонники исключения аборта из уголовного права. Суть их позиции — аборт аморален, но ненаказуем. Так, Резолюция X Общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов (М. Н. Гернета и В. Д. Плетнева) гласила: «Признавая наказуемость плодизгнания противоречащей как юридическим основаниям наказуемости, так и требованиям уголовной политики, десятое общее собрание русской группы международного союза криминалистов признает необходимость высказаться за исключение изгнания плода из числа преступных деяний» [Десятый съезд... 1914: 840]. Результаты голосования по документу выглядели следующим образом: «за» — 38, «против» — 20, «воздержались» — 3.

Решение Общего собрания криминалистов оценивалось современниками как «социальное новаторство», которое продвинуло проблему аборт в публичный дискурс: «Февральский съезд оказался в центре внимания. В ежедневной прессе и толстых журналах, на лекциях и модных ныне диспутах неустанно и страстно дебатировались основные решения происходившего съезда», — свидетельствовал А. Н. Трайнин [Трайнин, 1914: 248]. Сформулированная позиция способствовала развитию частного права и его применению в защите интересов личности, была поддержана женской интеллигенцией: «Резолюции пироговского съезда и съезда русских криминалистов показывают, что русское общество уже не может удовлетвориться таким простым решением вопроса о борьбе (с аборт — И.Ю.). Старина <...> стремилась предупредить его исключительно карательной угрозой. Теперь наказание не считают способным бороться со всяким злом и стремятся уничтожить последнее при помощи культурных мер: социальными реформами, воспитанием, образованием и т. д.» [Покровская, 1914: 104].

Заключение

Дискуссия во врачебной, юридической и феминистской среде обозначила новые ценности общества модерна и потребовала их признания. На первый план вышли личность, ее интересы и защита ее прав. Демографическая модернизация

развивалась через ломку традиционных представлений, норм, стереотипов, моделей поведения и формирования новой идентичности человека модерна.

Тема аборт перешла в публичный дискурс, стала воспроизводиться в массовых изданиях и массовых текстах. В публичный дискурс вошли понятия «любовь», «двойная половая мораль», «двойные стандарты полового поведения», «новое материнство», «свободное материнство», «аборт», «искусственный выкидыш», «половое просвещение», «гигиена половой жизни», «средства, противодействующие беременности». Были поставлены задачи разработать надежные, безопасные, удобные в применении и дешевые средства предупреждения зачатия, развивать «половое просвещение» [Добронравов, 1889; Словцова, 1909; Алексеев, 1911]. По докладу М. Т. Алексеева «Об ознакомлении детей с физиологией половой жизни» на XI Пироговском съезде была принята соответствующая резолюция [Алексеев, 1911: 49]. Защита материнства нашла отражение в требованиях изменить статус внебрачных детей, создать на государственной и частной основе современные клиники по родовспоможению, организовать приюты, воспитательные дома для сирот и т. д. Омское медицинское общество, к примеру, предложило учредить Всероссийский союз защиты материнства, что выводило материнство в область публичной политики, делало его ее предметом.

Таким образом, более века назад общими усилиями были выработаны основы практически современного понимания репродуктивных прав, которые включают в себя право и доступ к законному и безопасному аборту, право на контрацепцию, право и доступ к информации, необходимой для свободного репродуктивного выбора, право на доступ к медицине в репродуктивной сфере.

Рисунок 2. Приемный зал Императорского воспитательного дома. Прием прошений от женщин, желающих отдать своих детей. 1913. Фотоателье Буллы

Л. Л. Окинчиц выразил основной тренд демографической модернизации цитатой из Вольтера: «Не избыток в людях есть главная наша задача, но то, чтобы тех, которые уже имеются, мы постарались по возможности сделать менее несчастными» [Окинчиц, 1912: 57].

Список литературы (References)

Алексеев М. Т. Об ознакомлении детей с физиологией половой жизни // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда под ред. д-ра П. Н. Булатова. Т. 3. СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения (Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко), 1913. С. 47—49.

Alekseev M. T. (1913) On Familiarizing Children with the Physiology of Sexual Life. In: Bulatov P. N. (ed.) *Proceedings of the XI Pirogov Congress Issued by the Organizing Committee of the Congress*. Vol. 3. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of Railways (Partners I. N. Kushnerev and Co.). P. 47—49. (In Russ.)

Андреева А. Трагедия сменяющихся мировоззрений. «Приведения» Ибсена. Критический этюд // Сборник на помощь учащимся женщинам. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1901.

Andreeva A. (1901) The Tragedy of Changing Worldviews. Ibsen's Ghosts. Critical Essay. In: *Compilation to Help Women Students*. M.: Tipo-Lithography of T-va I.N. Kushnerev and Co.

Богров А. Г. Выступление в прениях на соединенном заседании Одесских медицинских обществ // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 163—165.

Bogrov A. G. (1914) Speech at the Debate at the Joint Meeting of the Odessa Medical Societies. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 163—165. (In Russ.)

Боряковский А. Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886—887.

Boryakovskiy A. G. (1893) On the Dangers of Means That Prevent Conception. *Vrach*. No. 32. P. 886—887. (In Russ.)

Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты : в 2 т. Т. 2. М. : Издательство «Художественная литература», 1987.

Vodovozova E. N. (1987) At the Dawn of Life: Memoirs and Portraits. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

Гернет М. Н. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Право. 1914. № 10. С. 824—826.

Gernet M. N. (1914) Extermination of the Fetus from the Criminal-Sociological Point of View. *Pravo*. No. 10. P. 824—826. (In Russ.)

Гиммельфарб Г. И. Исторический очерк вопроса о выкидышах // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 141—147.

Gimmelfarb G. I. (1914) Historical Essay on Abortion Issue. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 141—147. (In Russ.)

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого: записи за пятнадцать лет. Т. 1. М. : Центральное товарищество «Кооперативное издательство»: Издательство «Голос Толстого», 1922.

Goldenveizer A. B. (1922) Near Tolstoy: Fifteen Years of Records. Moscow: Tsentralnoe tovarischestvo "Kooperativnoe izdatelstvo", Izdatelstvo "Golos Tolstogo". (In Russ.)

Грин И. В. Аборт — преступление или операция. Доклад, сделанный на XII Пироговском съезде. М. : Тип. и цинк. т/д. «Мысль», Н. П. Меснянкин и Ко, 1914.

Grin I. V. (1914) Abortion — A Crime or An Operation. XII Pirogov Congress Report. Moscow: Mysl', N. P. Mesnyankin and Ko. (In Russ.)

Грин И. В. Социально-правовое положение аборта // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб. : Типография акц. общ. «Слово», 1913. С. 70—71.

Grin I. V. (1913) Social and Legal Status of Abortion. *Twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29th — June 5th, 1913.* Issue II. Saint Petersburg: Slovo. P. 70—71. (In Russ.)

Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб. : Типография акц. Общ. «Слово», 1913.

Twelfth Pirogov Congress. Petersburg. May 29 — June 5. 1913 Vol. II. SPb.: Typography of Corp. «Word». 1913. (In Russ.)

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Новое издательство, 2006.

Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1900—2000. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russ.)

Десятый съезд Русской группы Международного союза криминалистов // Право. 1914. № 10. С. 824—839.

Xth Congress of the Russian Group of the International Union of Criminalists. *Pravo.* 1914. No. 10. P. 824—839. (In Russ.)

Добронравов В. А. О необходимости преподавания основ гигиены во всех женских учебных заведениях для предупреждения женских болезней и оздоровления масс вообще // Третий съезд Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в С.-Петербурге (3—10 января 1889 г.): Полный отчет. СПб. : Журнал «Практическая медицина», 1889. С. 42.

Dobronravov V. A. (1889). On the Need to Teach the Basics of Hygiene in All Women's Educational Institutions for the Prevention of Women's Diseases and Mass Recovery. In: *Third Pirogov Congress in Saint Petersburg (January 3—10, 1889). A Complete Report.* Saint Petersburg: Journal "Practical Medicine". P. 42. (In Russ.)

Зейдлер П. Н. К вопросу о показаниях к предотвращению беременности // Никольская А. И. Акушерство и гинекология. На третьем съезде общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб. : Товарищество паровой скоропечати Яблонский и Перотт, 1889. С. 7.

Seidler P. N. (1899) On the Issue of the Indications for the Prevention of Pregnancy. In: *Nikolskaya A. I. Obstetrics and Gynecology. On the Third Pirogov Congress.* St. Petersburg. P. 7. (In Russ.)

Кон И. С. Сексуальная культура в России. М. : Издательство АСТ, 2019.

Kon I. S. (2019) Sexual Culture in Russia. Moscow: Izdatelstvo AST. (In Russ.)

Кржижановский И. В. Сообщение о командировке на XII Пироговский съезд в Санкт-Петербурге. Киев, 1913.

Krzhizhanovsky I. V. (1913) On the Business Trip to the XII Pirogov Congress in Saint Petersburg. Kiev. (In Russ.)

Либерман Я. Э. Изгнание плода в русском законодательстве // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 148—153.

Liberman Ya. E. (1914) Expulsion of the Fetus and the Russian Legislation. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 148—153. (In Russ.)

Мандельштам И. Г. Пандемия искусственного выкидыша и меры борьбы с ней. Показания к выкидышу // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 134—141.

Mandelstam I. G. (1914) Pandemic Abortion and Measures to Combat It. Indications for Abortion. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 134—141. (In Russ.)

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Mironov B. N. (1999) A Social History of Imperial Russia (XVIIIth — Early XXth Century). Volume 1.— Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)

Михнов С. Д. О женщине с биологической точки зрения. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1904.

Mikhnov S. D. (1904) On Woman from the Biological Point of View. Yuryev: K. Mattisen Printing House. (In Russ.)

Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге: из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. Т. XVII, № 12. С. 807—845.

Nekrasova E. (1882) Medical Courses for Women in St. Petersburg (Memories and Correspondence of the First Female Students). *Herald of Europe*. Vol. XVII. No. 12. P. 807—845. (In Russ.)

Окинчиц Л. Л. Как бороться с преступным выкидышем // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 53—66.

Okinchits L. L. (1912) How to Fight against Criminal Abortion. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 53—66. (In Russ.)

Пирожкова О. П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита. 1912. С. 103—109.

Pirozhkova O. P. (1912) Statistical Data on the Amount of miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 103—109. (In Russ.)

Покровская М. И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 102—105.

Pokrovskaya M. I. (1914) On the Abortion Issue. *Women's Herald*. No. 4. P. 102—105. (In Russ.)

Словцова Л. В. Половое воспитание детей // Труды Первого Всероссийского Женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10—16 декабря 1908 года. СПб. : Типо-Литография С.-Петербургской Одиной тюрьмы, 1909. С. 674—678.

Slotvtsova L. V. (1909) Sexual Education of Children. In: *Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg. December 10—16, 1908*. Saint Petersburg: Typo-Litography of the St. Petersburg Solitary Prison. P. 674—678. (In Russ.)

Тальберг Н. В. О преступном выкидыше с медицинской и социальной точки зрения и о мерах борьбы против прогрессивного увеличения числа случаев преступного выкидыша // Никольская А. И. Акушерство и гинекология. На третьем съезде общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб. : Товарищество паровой скоропечати Яблонский и Перотт, 1889. С. 7.

Talberg N. V. (1899) On the Criminal Abortion from Medical and Social Point of View and on the Measures to Combat the Progressive Increase in the Amount of Cases of Criminal Abortion. In: *Nikolskaya A. I. Obstetrics and Gynecology. On the Third Pirigov Congress*. St. Petersburg. P. 7. (In Russ.)

Трайнин А. Н. На съезде криминалистов. Факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 248—262.

Traynin A. N. (1914) At the Congress of Criminologists. Facts and Experience. *Russian Wealth*. No. 4. P. 248—262. (In Russ.)

Шапир О. А. Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. СПб., 1909. С. 895—898.

Shapir O. A. (1909) Ideals of the Future. In: *Materials of the First All-Russian Women Congress, Russian Women Association at Saint Petersburg. Saint Petersburg*. P. 895—898. (In Russ.)

Энгельштейн Л. Ключи счастья : Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М. : Терра, 1996.

Engelstein L. (1996) *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia*. Moscow: Terra. (In Russ.)

Якобсон В. Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точек зрения // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб. : Орбита, 1912. С. 3—17.

Yakobson V. L. (1912) Contemporary Abortion from Social and Medical Points of View. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 3—17. (In Russ.)